

О границе имени собственного и нарицательного

И.В. Бондаренко

Южноукраинский национальный педагогический университет имени Ушинского, Одесса, Украина

Paper received 20.09.15; Accepted for publication 02.10.15.

Аннотация. В статье анализируются некоторые из критериев разграничения собственных и нарицательных имен, выделяются наиболее существенные различия в их семантике, рассматривается вопрос о функционировании данных ономастических единиц в языке и речи.

Ключевые слова: *собственные имена, нарицательные имена, коннотация, десигнат*

Определение границы между именем собственным и нарицательным – центральный вопрос ономастики (XIII Международный ономастический конгресс имел тему «Имена собственные и имена нарицательные»).

Проблема, условно обозначаемая *appellativa* – опота, предусматривает случаи отнесения лексем к одному из классов. В чем сущность имени собственного? О. Есперсен отмечал, что «с лингвистической точки зрения невозможно провести демаркационную линию, поскольку различие здесь количественное, а не качественное». Здесь зеркально отражена позиция Есперсена в сравнении с точкой зрения Дж. Милла, что имена собственные имеют большее значение, чем нарицательные, ибо обладают большим количеством признаков. Так можно ли говорить, что дело лишь в количестве коннотаций (признаков)?

Концепция А. Белецкого подчеркивает функциональное назначение имени собственного:

- 1) функцию классификации, обобщения (фамилии, названия этнических групп, переходный пласт);
- 2) функцию индивидуализации.

Ю.А. Карпенко [2] считает, что промежуточных явлений между собственными и нарицательными названиями не существует. Каждое имя в каждом случае его употребления является либо собственным, либо нарицательным.

Так что же по поводу есперсеновских коннотаций? Следует признать тот факт, что имя собственное и имя нарицательное могут коннотировать практически неограниченное количество признаков, но по-разному. Например, если мы в некотором контексте (речи) говорим об определенном столе, то слово «стол» коннотирует все признаки, вызывая образ стола. Но, помимо этого, слово «стол» включает именно этот стол и в понятие стола как предмета. Если же в аналогичных условиях встречается имя собственное, то оно, будучи однозначно понятым, вызывает образ своего носителя, а уже этот образ через соответствующее нарицательное название включает носителя имени в нужный понятийный ряд (студент Иванов, Одесский театр оперы и балета).

Главный критерий здесь не количество коннотаций, а то, что имена нарицательные выражают понятие, а имена собственные понятий выражать не могут, а это значит, что необходимо признать границу между собственным и нарицательным в языке однозначной и качественной. Логическим развитием этой точки зрения следует считать различение собственных имен в языке и речи (спорные вопросы, собственно, относятся к речи). Однако привязка именованного к одному или многим объектам всегда позволяет достаточно четко определить его статус.

А.В. Суперанская формулирует эту мысль следующим образом: «В языке как системе (лексической, ономастической) имеется ограниченное количество имен, активных и пассивных» [6, 220], а в подавляющем большинстве случаев «собственные имена в языке обычно существуют на правах цитат» [6, 217], то есть как факты речи, а не языка. Однако как быть с проблемной знания языка, ибо существует существенная разница между языком и знанием языка, где первое гораздо больше второго. Как быть с возникающими в языке новыми именами собственными или трансформирующимися старыми? Что входит в состав языка: входит существующее, устоявшееся и не входит новое, пока оно не закрепилось в системе языка?

Вот, к примеру, всевозможные переименования различных географических объектов остаются речевыми единицами до тех пор, пока носители языка не станут употреблять эти переименования как обычные, основные обозначения объектов. Новые названия улиц Одессы (Балковская, Кузнечная, Старопортофранковская и др.) для жителей города несомненно стали уже фактом языка. Однако для многих людей старшего возраста эти названия остаются еще только фактом речи.

Таким образом, можно говорить о том, что в состав языка входит совокупность всех реально существующих собственных названий, которые употребляются носителями языка, тогда как в речи носителя этого языка собственных имен гораздо меньше. Следует помнить, что совокупность речевых актов содержит довольно заметную группу еще неустоявшихся названий (в частности, переименований и индивидуальных образований), которые остаются за пределами языка (например, разговорные варианты названий частей Одессы: Бугаёвка, Слободка, Нахаловка).

Ю.А. Карпенко [3] предложил разделить все топонимы (и это можно отнести и к другим группам собственных имен) на пять групп:

- 1) глобальные названия, известные носителям разных языков;
- 2) интернациональные или межрегиональные названия, распространенные как минимум в нескольких языках;
- 3) национальные названия, существующие в речи всех носителей одного языка;
- 4) контактные названия, известные группам носителей двух соседних языков;
- 5) локальные названия, употребляемые на части территории одного языка. Конечно, довольно часто происходит смешение или миграция номенов из одной группы в другую, но в состав языка входят они все.

Итак, разграничение этих двух классов имен – проблема речи, а не языка. Главная трудность в том, что в

речи появляются совершенно не свойственные языку величины – меньшие, чем единица. Язык содержит названия одного предмета – собственные имена – и названия больше чем одного предмета – нарицательные. И всё. А в речи сплошь и рядом выступают названия меньше чем одного предмета – названия одного признака одного конкретного предмета (например, номинация по месту обитания или по функции – луговицы < змеи).

Форма собственных имен и в равной степени их содержание в речи оказываются индивидуализированными, а в языке эта индивидуализация отсутствует. Объективно это различие проявляется в том, что в речи имя собственное обладает гораздо большей степенью вариативности, чем в языке. При этом варьирование формы материально фиксируется самим собственным именем, в варьирование содержания – его речевым окружением или вообще никак не фиксируется (например, употребление антропонимов Чехов, Есенин в речи специалистов-филологов, почитателей творчества или человека, далекого от литературы). Говорящий отбирает, фиксирует из множества оттенков значений только апробированное практикой. Любое личное имя содержит два значения: обобщенное – «имя человека вообще» и конкретизированное – «имя данного человека». Последнее значение может иметь несколько языковых реализаций (*Алексей* Толстой, царевич *Алексей*) и огромное множество речевых реализаций (все *Алексеи*, живущие на Земле).

Очень непростой вопрос, касающийся собственных имен, – проблема десигната. Каждое имя собственное должно иметь десигнат (реальный объект действительности). А если такого объекта нет (например, у теонимов)? Исследование теонимов (личных имен божеств) вызывает целый ряд вопросов, связанных с разграничением в их природе собственного и нарицательного. Поэтому теонимы не могут иметь статус имени. Б. Рассел вводит еще один класс имен: «имена вообще». Но здесь происходит подмена понятия десигната как предмета мысли логическим понятием класса несуществующих объектов, поэтому большинство лингвистов считают, что семантическая классификация языковых фактов не может зависеть от факта существования или отсутствия во внелингвистической действительности десигната данного языкового выражения. Факт существования или отсутствия десигната – в аспекте языка – факт случайный. Можно говорить о том, что язык 1) безразличен к реальности или ирреальности экстралингвистической действительности; 2) то, что ирреально сейчас, не всегда было таковым для определенных языковых коллективов.

Кроме того, в первых работах, посвященных славянскому язычеству (М. Попов, «Краткое описание славянского баснословия», 1772; Г. Глинка «Древняя религия славян», 1804), обнаруживается тенденция восполнять пробелы в знаниях домыслами, что влечет за собой (вольно или невольно) псевдонаучное описание славянской мифологии (например, толкование топонима Днепр < от теонима Дана – гипотетического имени гипотетической богини славян). Можно сказать, что объект исследования довольно долгое время (и достаточно часто) растворялся в фольклоре, этнографии, археологии.

Не менее интересен аспект изучения собственных и нарицательных имен как инструментов познания. Еще Платон в своем диалоге «Кратил, или о правильности имен» ставил целью показать, что «имена не являются орудием познания вещей, что знание имени еще не есть знание свойств самой вещи», то есть это свидетельство того, что в более ранние времена знание имени (названия) предмета равнялось знанию самого предмета.

Для современного лингвиста язык как целостность представляется равным самому себе на всех этапах существования. Безусловно, на начальных этапах истории языка слово носило симпрактический характер, т.е. было вплетено в практику, изолированно от нее не имело самостоятельного значения. Дольше всего сохранял симпрактический характер именно ономастикон определенного общества, так как личные имена были тесно связаны с религиозно-обрядовой деятельностью, обосновывающей, по сути дела, все стороны человеческой деятельности.

Итак, мы присоединяемся к точке зрения лингвистов, которые, признавая отсутствие иерархии в списке различий между собственными и нарицательными именами и явное смешение языка и речи, тем не менее на уровне языка главным, основополагающим различием считают **масштаб** имени. В собственных именах он равен единице: собственное имя всегда обозначает один, единичный предмет. Наричательное имя всегда больше единицы, семантика нарицательного имени суть множество – она охватывает все предметы данного вида, все его свойства. Именно поэтому дихотомия «имя собственное – имя нарицательное» ограничивается только существительными, а внутри этого класса – только названиями считааемых предметов.

Из этого главного различия происходят такие различительные признаки.

Во-первых, специфика реализации собственных имен в **единицах мышления**. Для нарицательного имени единицей мышления является определенное понятие, а для имени собственного – единичное понятие, представление и даже зрительный образ. Отсюда повышенная предметность собственных имен. Ю.А. Карпенко [2] сравнивает собственные имена с «языковыми этикетками предметов», тогда как о нарицательных названиях этого сказать нельзя.

Во-вторых, как отмечает Е. Курилович [5], «**нарицательное имя обозначает, а имя собственное называет**». Знаковость собственных имен мощно коррелирует с их повышенной предметностью и словообразовательным своеобразием данных единиц языка.

Третий различительный признак – **интернациональный характер** собственных имен (об этом мы говорили в своей статье «К вопросу об ономастической омонимии», анализируя ойконимы в разных языках). Интернациональность собственных имен ярко иллюстрирует дивергентные процессы, происходящие в языке: вначале собственное имя называет один предмет, имеющий четкую локализацию. Как только сведения об этом предмете выходят за пределы одного языка, уже существующее название данного предмета берется в готовом виде и становится заимствованным. Практически все собственные имена могут стать потенциальными интернационализмами.

И, наконец, можно говорить о **тенденции к разрыву обозначающего и обозначаемого в собственном имени** (отсюда и распространенность замены собственных имен, переименований единичных объектов). Собственные имена легче привести в соответствие с изменяющейся действительностью.

Описанные различия не исчерпывают всех отличий собственных и нарицательных имен. Например, И.И. Ковалик [4] полагает, что среди собственных имен нет антонимов, однако многочисленным противопоставлениям типа *Большая Долина – Малая Долина*, *Большая Медведица – Малая Медведица* трудно отказать в антонимичности.

И все-таки ведущим, главным различительным признаком, использование которого не оставляет на уровне языка сомнений в отнесении лексемы к классу нарицательных или собственных наименований, является наличие либо одного носителя (и тогда это имя собственное), либо больше чем одного носителя (и тогда это имя нарицательное). Все трудные случаи разграничения двух классов – это проблемы речи, а не языка. И здесь главная трудность заключается в том, что в речи сплошь и рядом выступают названия *меньше* чем одного предмета – названия *одного* признака *одного* конкретного предмета. Такие величины, меньше, чем еди-

ница, выражаются в речи нарицательной лексикой, и величины эти нужно обозначить, указать на их понятийную отнесенность. Но вместе с тем обязательно сохраняется понимание того, что речь идет о части, аспекте целого, имеющего собственное имя.

Всем нам (и топонимистам) известна ситуация: центр города на его окраинах называют просто *город*, не обращаясь к собственному имени (*еду в город, мы в городе*). И в таком употреблении слово *город* становится собственным именем. Дескрипция географических объектов, обозначение человека по его характерному признаку – всё это величины меньше единицы. Очень часто такие величины могут стать топонимами либо прозвищем человека. Следует помнить, что в языке главным для собственного имени является понятие сущности, а в речи – понятие функции. Собственное имя называет единичный объект и выполняет номинативную функцию. В речи же эта функция работает и на идентификацию, и на дифференциацию. Главное здесь – закрепленность имени за одним объектом.

Всё вышесказанное, безусловно, не исчерпывает сложности и многообразия проблемы разграничения собственных и нарицательных именованных, поскольку язык предоставляет все новые и новые факты для лингвистических (и не только) исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брайчевський М.Ю. Утвердження християнства на Русі / М.Ю. Брайчевський. – К., 1988. – 207 с.
 [2] Карпенко Ю.О. Літературна ономастика / Ю.О. Карпенко. Збірник статей. – Одеса: Астропринт, 2008. – 328 с.
 [3] Карпенко Ю.А. Разноязычная топонимия и границы топонимической системы / Ю.А.Карпенко. Разноязычная топонимия и границы топонимической системы // В кн. Beiträge zur Theorie und Geschichte Eigennamen / Berlin, 1976. – С. 87-89.
 [4] Ковалик І.І. Про власні загальні назви в українській мові / І.І. Ковалик. Про власні загальні назви в українській мові // Ж. «Мовознавство», 1977, № 2. – С. 15-17.
 [5] Курилович Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович. Положение имени собственного в языке // В кн.: Очерки по лингвистике. – М., 2002. – 267 с.
 [6] Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская // М., 1973. – 320 с.

REFERENCES

- [1] Braychevsky, M.Y. Adoption of Christianity in Rus / M.Y. Bray-chevsky. – K., 1988. – 207 p.
 [2] Karpenko, Y.A. Literary onomastics / Y.A. Karpenko. Collected articles. – Odessa: Astroprint, 2008. – 328 p.
 [3] Karpenko, Y.A. Multilingual toponymy and toponymic system borders / Y.A. Karpenko. Multilingual toponymy and toponymic system borders // Beiträge zur Theorie und Geschichte der Eigennamen / - Berlin, 1976. - pp. 87-89.
 [4] Kovalyk, I.I. About proper and general names in Ukrainian language / I.I. Kovalyk. About proper and general names in Ukrainian language // Zh. "Movoznavstvo", 1977, № 2. – P. 15-17.
 [5] Kurilovich, E. Position of a proper name in a language / E. Kurilovich. Position of a proper name in a language // Essays in Linguistics. – M., 2002. – 267 p.
 [6] Superanskaya, A.V. General theory of a proper name / A.V. Superanskaya // M., 1973. – 320 p.

About the border of a proper name and a common noun

I.V. Bondarenko

Abstract. The article analyzes some of the criteria for distinguishing proper names and common nouns, marks out the most substantial differences in their semantics. It considers the question of functioning of these onomastic units in a language and in speech.

Keywords: proper names, common nouns, connotation, designatum